

8

рок
Юрия
Шевчука:
«Я – вера без причин.
Я – правда без начала»

Yury Shevchuk: “I am faith without reasons.

I am truth without principle.”

Так получилось, что встречу нашего корреспондента с Юрием ШЕВЧУКОМ пришлось неоднократно переносить: группа «ДДТ» была поглощена подготовкой к длительному концертному турне по России и другим странам и континентам. Но благодаря этой задержке Геннадий АМЕЛЬЧЕНКО стал зрителем замечательного концерта. Его беседа с руководителем ансамбля началась за сорок минут до встречи Юрия Шевчука с группой детей, которых год назад террористы удерживали как заложников в школе североосетинского города Беслана. Их общение было удивительно душевным – без ложного пафоса и формальной помпы. Он пел для них с такой отдачей, с какой не поет на огромных площадках. И они пели вместе с ним.

As things turned out, our correspondent's meeting with Yury Shevchuk had to be put off several times: his group DDT was completely occupied with preparations for a prolonged tour of Russia, other countries and continents. But thanks to this delay, Guennadi Ameltchenko got to attend a remarkable concert. His talk with the leader of the group began forty minutes before Yury Shevchuk's meeting with a group of children who a year ago were held hostage by terrorists in a school in the North Ossetian town of Beslan. Their conversation was amazingly sincere and heart-warming – without any false pathos or formal pomp. When he sang for them he put even more into it than he does when singing at huge venues. And they sang along with him.

9

– В этом году ансамблю «ДДТ» исполняется двадцать пять лет. Помнишь, как все началось?

– Молодость незабываема. Музыкай я увлекался с детства. Естественно, как и во всем мире, молодежь у нас тогда сходила с ума от «Битлов». В замечательном городе Уфе, где я заканчивал художественно-графическое отделение педагогического института, познакомился с хорошими ребятами – Геной Родиным, Рустамом Асанбаевым, Владимиром Сигачевым. Они музицировали в Доме культуры с шикарным названием «Авангард» и искали вокалиста, чтобы выступать перед публикой. Прослушали меня и пригласили петь. Я тогда работал над дипломной картиной под названием «Дождь». Тема навяла мне стихи, и получилась песня, которую до сих пор поют, да и мы поем. Я предложил делать «русский рок». Все очень удивились, но согласились попробовать. Почему русский? Да потому что на русском языке. К 1980 году в нашем репертуаре было около десятка своих песен, и мы решили, что надо как-то назвать ансамбль. Из нескольких вариантов выбрали «ДДТ»...

– Это что-то ассоциативное?

– Нам название понравилось как ёрническое и «социальное», поскольку, по нашему мнению, песни у нас были достаточно острые. Ритмы рока соответствовали ритму времени, а дуст как универсальное

– DDT as a group is twenty-five years old this year. Do you remember how it all started?

– Your youth is unforgettable. I was interested in music from childhood. Of course, just like everywhere in the world, young people with us back then were mad about the Beatles. In the wonderful city of Ufa, where I graduated from the arts and graphics department of the teacher-training institute, I got to know some great guys – Gena Rodin, Rustam Asanbayev, Vladimir Sigachev. They were making music in the House of Culture with the brilliant name *Avant Garde* and looking for a vocalist so as to give some public concerts. They auditioned me and invited me to sing. I suggested doing “Russian rock”. Everyone was very surprised, but agreed to give it a go. Why Russian? Because the words were in Russian. By 1980 we had around ten of our own songs in our repertoire and we decided that the band needed to have a name. From a few different suggestions we chose *DDT*.

– Did it have some associations?

– We liked the name because it was perverse and “socially aware”, as we thought our songs were fairly incisive. The rhythms

Самое подходящее название для этого концерта — шевчуко-терапия.

The most fitting description for this concert would be shevchukotherapy.

средство уничтожения вредных насекомых и сорняков, то есть всего, что мешает человечеству жить, вполне подходил тогда на роль символа цивилизации. Кто же знал, что потом эта гадость доберется до антарктических пингвинов? Но мы-то тут ни при чем!

— Когда вы организовали «ДДТ», так называемое неформальное искусство, в том числе и рок, у нас было под запретом и преследуемо. Сейчас настали другие времена. Во всяком случае, в области искусства почти все можно. Некоторые бывшие «неформалы от искусства» пафосно заявляют, что своим творчеством способствовали трансформации общества, разрушили устои тоталитарного режима. Что ты думаешь об этом?

— У русского рока был период «подполья». Нас старались от него «вылечить», тащили в официальную эстраду. В 1981 году газета «Комсомольская правда» организовала песенный конкурс, очень интересный и демократичный. Предварительно собрали двести пятьдесят тысяч магнитофонных записей. Из них для очного состязания выбрали десять исполнителей. Мы туда попали с песней «Не стреляй» и выиграли конкурс. Мне даже предлагали пластинку большую записать — песню композитора Эшпая на стихи Евтушенко. Слава богу, мы сделали другой выбор — петь то, что нам нравится и хочется. Мы записали пять-шесть андеграундных, как сейчас

говорят, альбомов на бытовых магнитофонах. Потом все это расходилось по стране. В конце концов в 1984 году волна докатилась до КГБ, где меня спрашивали, «под чью дудку мы пляшем» и ради чего нарываемся на неприятности.

— Странно, что так медленно катилась...

— Я думаю, это обком компартии промедлил дать команду. Альбом «Периферия» очень раздражил партийную власть. Какое-то совершенно безобидные детские частушки восприняли как страшную антисоветчину: «Чревата наша страна — царит покой и тишина. Навоз целует сапоги, кого-то мочат у реки...», «Всю ночь не смыкали в правлении глаз — пришел к нам приказ посадить ананас». Особенно не понравилась песня «Не стреляй». Меня

Мастеркласс игры на барабанах: «Хочешь попробовать? Меня этому тоже никто не учил».

A master class in playing the drums. "Want a go? Nobody ever taught me either."

«Ритм, конечно, важен, но для меня важнее смысл песни. Я хочу видеть на концертах умные лица и добро в глазах».

"Rhythm is important, of course, but for me the meaning of the song is more important. I want to see intelligent faces at concerts and kindness in their eyes."

«Эй, россияне — вайнахи, марийцы, эвенки, башкиры, Что нам рядиться, когда наша степь от пустынь до Пальмиры. Хватит на всех весеннего солнца, озимого хлеба, На всех одно время, бедовая память да синее небо».

"Hey people of Russia — Vainakh, Mari, Evenk and Bashkir, Why should we haggle, when we've steppe from the deserts to Palmyra. There's enough spring sunshine and winter grain for us all, For all one time, keen memory and blue sky."

underground albums, as they say now, on ordinary home tape-recorders. Then that all got around the country. Finally, in 1984, the wave reached the KGB, where they asked me "to whose pipe we were dancing" and why we were looking for trouble.

— Strange that it took so long...

— I think the regional party committee was slow in giving the order. The album *Periferiya* [*Periphery*] irritated the party authorities. The song *Ne streliai* went down particularly badly. I was asked, "How could you permit yourselves something like that when we are carrying out a peace-keeping mission in Afghanistan?" I had to "emigrate" in 1985 to Yekaterinburg. There was a fairly well known group there called *Urfin Dzhius*. They took me in straight away and I played with them for about three months. Then Cherepovets, Moscow, and finally, I made the move to Piter.

— And why Petersburg?

— For a lot of reasons. It's a wonderful city. Moscow is generally so hospitable —

of rock matched the rhythm of the time, and "dust" as a universal method of destroying harmful insects and weeds, in other words every-thing that makes life unpleasant, was entirely suitable then for the role of symbol of civilization.

— When you organized DDT, non-formal art, as it was known, including rock was under a ban in the country. Now other times have come. At any rate in this sphere of art almost everything is possible. Some former artistic "non-formalists" declare bombastically that their work made social transformation possible, brought down the pillars of the totalitarian regime. What's your attitude to that?

— Russian rock had an "underground" period. They tried to "cure" us of it, dragged us into the official variety circuit. In 1981 the newspaper *Komsomolskaya Pravda* organized a song contest. Ten acts were chosen for the live part of the competition. We made it there with the song *Ne streliai* [*Don't shoot*] and won. I was even invited to make a record — one of Yevtushenko's poems set to music by the composer Eshpai. Thank God we made a different choice — to sing what we liked and felt like. We recorded five or six

Никакие аплодисменты не сравнятся с улыбкой ребенка, пережившего смертельный ужас заложника в захваченной террористами школе.

No applause can compare with a smile from a child who has been through the deadly terror of being held hostage by terrorists.

«Смесь кровей во мне причудливая. Может, поэтому они так бурлят?»

"The mixture of different bloods in me is fantastic. Maybe that's why they bubble like they do."

Артистизм и сценическая экспрессия у Юрия Шевчука природные — специального музыкального образования у него нет. Artistry and stage presence are something innate in Yuri Shevchuk — he does not have any musical education.

«Для меня концерт — это не мессианство и ни в коем случае не монолог, а диалог. Вот это очень важно. В Интернете бывает много обращений к нам. И вопросы задают больше мировоззренческого характера, а не о том, что мы едим, пьем. Хорошие у нас собеседники, и очень они меня этим радуют».

“For me a concert is not some messianic rite and not at all a monologue, but a dialogue. That is very important. A lot of people address questions to us through the Internet, and the questions they ask are more about our attitudes than about what we eat and drink. We have good conversation partners and that makes me very pleased.”

спросили: «Это как же вы могли такое себе позволить, когда мы выполняем миротворческую миссию в Афганистане?» Короче, на столе того, кто вел со мной «профилактическую беседу» — так это у них называлось, — много было наших песен с тематикой про основное настроение масс. Пришлось мне «эмигрировать» в 1985 году в Екатеринбург. Там была довольно известная группа «Урфин Джюс». Меня сразу приняли, и я месяца три с ними поиграл. Потом — Череповец, Москва, и наконец — переехал в Питер.

— А почему Петербург?

— По многим причинам. Это город чудесный. Москва вообще такая хлебосольная — молодых талантов с периферии на руках носят из кухни в кухню. Легко стать знаменитым. Но вместе с тем и потерять себя легко. Она действительно слезам не верит. Питер — другой. Он не сразу принимает, присматривается. Он интровертен, более спокоен, пытается видеть суть. Года три в Питере работал дворником, сторожем, кочегаром. Подобрал группу. Нас приняли в городской рок-клуб. И уже в 88-м мы собрали три аншлага на крупнейшей концертной площадке. А что касается развала Советского Союза... Не стремились мы к этому. Но то, что так называемые демократические силы использовали пристрастие молодежи к рок-музыке, — безусловно. Рок — это язык моло-

young talents from the provinces get carried shoulder high from kitchen to kitchen. It's easy to become famous. But at the same time it's easy to lose yourself. Peter is different. It doesn't accept you straight away, likes to take a good look first. It's introverted, calmer, tries to see the essence. For about three years I worked here as a janitor, a watchman and a stoker. I put a group together. And already in 1988 we had three sell-outs at one of the largest concert venues. That's the history. As for today's DDT line-up, we work very well together, we've got a great band. We are meeting our 25th anniversary with open eyes, open to the world, to any musical direction.

— Today's teenagers go to your concerts. They're completely different people, of course, to what they were in the '80s. Could it be those same youths that put their feet up on the seats, unashamedly drink beer straight from the bottle and swear without regard to who else is around?

— I know what you're talking about. Our young people, like the whole of our society, are very disparate. At least half our audience is usually youngsters, and we are very pleased about that. It means we are fairly

дых. И Науменко, и Башлачев, и Гребенщиков, и Цой — ну и вся субкультура пела искренне, честно и именно о том, что болит. Но позднее стало ясно, что некоторые политики нас просто использовали. Если тогда глушили маршами, то теперь глушат попсой. Вот такая история. Если же говорить о сегодняшнем ансамбле «ДДТ», то работаем мы очень хорошо, у нас замечательная группа. Двадцатипятилетие встречаем с открытыми глазами, открыты миру, любым музыкальным направлениям.

— На ваши концерты ходит нынешняя молодежь. Понятно, что это совсем другие люди, чем были в восьмидесятых годах. Неужели это часть той молодежи, которая с ногами сидит на скамейках, не скрываясь пьет пиво из горла бутылки, матерится, не обращая внимания на окружающую?

— Я понимаю, о чем речь. Молодежь, как и все наше общество, разнородна. У нас обычно не меньше половины зала молодых. И очень нас это радует. Они на нафталин не пойдут. Значит, мы достаточно актуальны. На концертах я вижу хорошие, умные глаза. К счастью, есть и такая молодежь. Дай бог, чтобы её не перестреляли в Чечне, чтобы она не разбежалась из страны. У меня только на нее надежда. Может, это пафосно звучит, но только поэтому я не бросаю сцену. У меня есть задумки, которые с удовольствием бы осуществил,

“with it”. At the concerts I see kind intelligent eyes. Thankfully, there are young people like that too. God forbid that they get killed in Chechnya or flee the country. They are the only hope I have. Perhaps it sounds pretentious, but that's the only reason I keep performing. I have some concepts that I would be pleased to work out sitting and writing at a desk. I enjoy that more than jumping about the stage. But I wouldn't like to hand my audience to a group like Leningrad, say. I heard at one of their concerts 70,000 young people chanting swear-words in unison with the band. For me, as an Orthodox Christian, such “means of expression” are unacceptable.

— From what I've heard, your great-grandfather was a mullah; the grandfather and grandmother who brought you up were devout Muslims. Does that interfere with your Orthodoxy or not?

— No, not in the least. My blood is indeed a bizarre mix. My great-grandfather on my father's side was of Cossack descent; on my mother's side the Gareyevs were Muslim through and through. My mullah great-grandfather and grandfather were shot in 1937. Growing up, I thought a lot about my

работая за письменным столом. Мне это больше нравится, чем прыгать по сцене. Но я не хочу, чтобы моя аудитория досталась, например, такому ансамблю, как «Ленинград». Как-то на их концерте я наблюдал семьдесят тысяч молодых людей, которые в унисон с артистами скандировали матерщину. Для меня, как человека православного, такие «выразительные средства» неприемлемы.

– *Насколько я знаю, твой прадед был муллой, дед и бабушка, которые тебя воспитывали, были правоверными мусульманами. Мешает это твоему православию или нет?*

– Нет, ни в коем случае. Смесь кровей во мне, конечно, причудливая. Мой прадед по отцу из казаков, а по материнской линии — Гареевы — мусульмане абсолютные. Прадед мулла и дед мои расстреляны были в 1937 году. Взрослея, я немало передумал об истории семьи, о своих корнях. Мне кажется, эти размышления и привели к тому, что нет у меня шор ортодоксальных: уважаю любую другую религию, любое другое мировоззрение, мироощущение. Для меня просто существует верующий человек, который никогда гадости не сделает. По крайней мере, будет стараться этого не делать. К несчастью, есть люди, которые используют религию в корыстных целях. Я часто бывал в «горячих точках» и сплошь и рядом видел, как под религиозными лозунгами творят гну-

сные вещи. Нам всем об этом говорить даже скучно.

– *Пустого времени у тебя, вероятно, не бывает, но если выпадает свободная минутка, чем ты занимаешься?*

– Читаю, безусловно. Я не могу заснуть без книги. Она успокаивает. У меня рядом с кроватью лежит книг пятнадцать–двадцать, которые я пытаюсь хотя бы просмотреть, — современное и классика. Вот вчера решил перечитать сборник статей Мережковского и Зинаиды Гиппиус с 1905-го по 1914 год. Очень много созвучного нашему времени — размышления о Достоевском, об интеллигенции, о революционной ситуации, о монархии, демократии...

– *У тебя много поклонников. Есть ли черты, которые тебе в них не нравятся?*

– Мне само слово «поклонник» не нравится. Для меня концерт — это не мессианство и ни в коем случае не монолог, а диалог. Вот это очень важно. В Интернете бывает много обращений к нам. И вопросы задают больше мировоззренческого характера, а не о том, что мы едим, пьем. Хорошие у нас собеседники, и очень они меня этим радуют. ■

– *You have a lot of fans [poklonniki]. Are there features that you don't like in them?*

– I don't like the word *poklonnik* [literally “worshipper”] itself. For me a concert is not some messianic rite and not at all a monologue, but a dialogue. *That* is very important. A lot of people address questions to us through the Internet, and the questions they ask are more about our attitudes than about what we eat and drink. We have good conversation partners and that makes me very pleased. ■

«Почему я выбрал Петербург? Это город чудесный. Москва вообще такая хлебосольная — молодых талантов с периферии на руках носят из кухни в кухню. Легко стать знаменитым. Но вместе с тем и потерять себя легко. Питер — другой. Он не сразу принимает, присматривается. Он интровертен, более спокоен, пытается видеть суть».

“Why did I choose St Petersburg? It's a wonderful city. Moscow is generally so hospitable — young talents from the provinces get carried shoulder high from kitchen to kitchen. It's easy to become famous. But at the same time it's easy to lose yourself. Piter is different. It doesn't accept you straight away, likes to take a good look first. It's introverted, calmer, tries to see the essence.”

Концерт на центральной площади Петербурга — Дворцовой.

A concert on St Petersburg central Palace Square.

family history and roots. It seems to me that those reflections were what led to me not having orthodox blinkers: I respect any other religion, any other view or perception of the world. For me there is simply a believer, who would never do anything wicked. Or at least try not to. Sadly there are people who exploit religion for their own ends. I have visited the “conflict hotspots” quite a lot and seen time and again vile things being done while religious slogans are cited. It's even boring for us to tell everyone about it.

– *You probably don't have any leisure time, but if you do get a spare minute, how do you fill it?*

– I read, for sure. I can't get to sleep without a book. It calms me down. I have fifteen or twenty books lying by my bed that I'm trying at least to skim through — modern stuff and classics. Yesterday, for example, I decided to re-read an anthology of articles by Merezhkovsky and Zinaida Gippius from 1905–1914. There are an awful lot of echoes of our own time — thoughts on Dostoyevsky, on the intelligentsia, the revolutionary situation, the monarchy, democracy...